

В ТЕМНИЦЕ БЫЛ, И ВЫ ПРИШЛИ КО МНЕ...

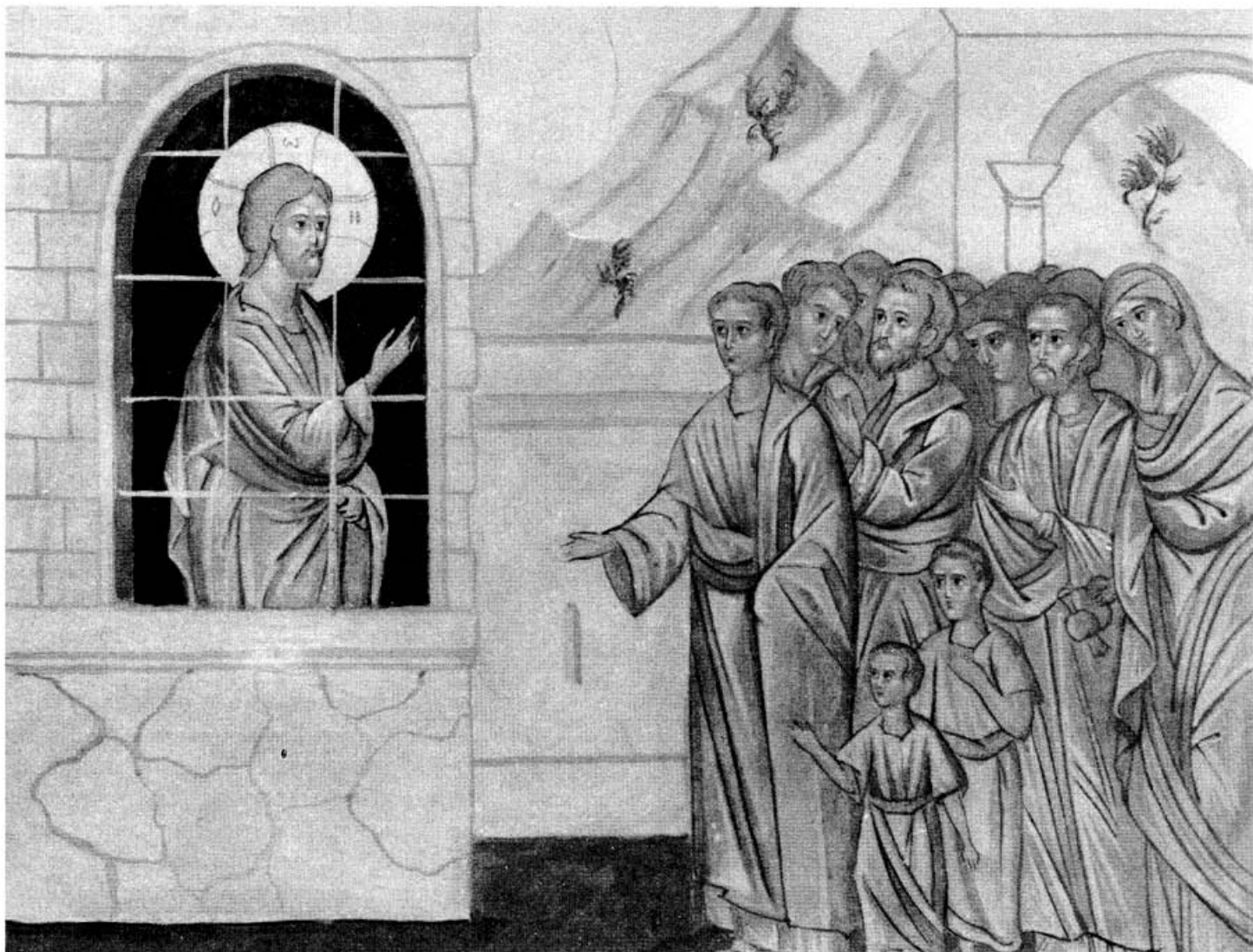
125 ЛЕТ ТЮРЕМНОМУ ХРАМУ

Более века назад, в 1872 году, в тюремном замке Сергиева Посада был освящен храм в честь иконы Божией Матери “Утоли моя печали”. Дальнейшая судьба этого храма весьма схожа с судьбами тысяч русских церквей: пришла богоборческая власть, и у храма было отнято его единственное предназначение. Этот храм, являющийся частью одного монолитного здания сергиево-посадской тюрьмы, стал камерой для заключенных. Такая необходимость вполне понятна — любая богоборческая идеология дает моральное право на преступление, о чем говорил еще Ф.М. Достоевский: “Если нет Бога, значит, я — бог. А значит, все дозволено”. Но если даже не дозволить “всего” под угрозой Уголовного Кодекса, если оставить прежние высокие христианские требования к нравственной жизни человека (а в действительности они были значительно снижены) и при этом “отделить” человека от Церкви, то ясно вырисовывается ужасающая картина жестокого государства. Ведь когда Православная Церковь требует от своих членов соответствующего образа жизни, то она и подает в своих Таинствах благодатную помощь для достижения этого совершенного состояния. Она же и врачует наказанием грех, который совершается гордой самоуверенностью, отрицающей эту помощь, или небрежным малодушием, неспособным ее принять. Но за что наказывает человека безбожное государство, лишившее его единственного средства, которое дает ему возможность достичь высокого нравственного

идеала? С какой картиной ассоциируется такая ситуация? — Посаженную на цепь собаку бьют за то, что она не бежит.

В этом смысле показательно, что какими бы средствами не боролось с преступностью безбожное государство, результат был обратным. Вот небольшой, но красноречивый пример. Небезызвестные петербургские “Кресты” были построены до Октябрьского переворота 1917 года в расчете на содержание 1000 заключенных. Советская власть эту норму увеличила до 3300 человек. Но в начале 1992 года в ней содержалось 6500, а в первом квартале следующего — 8000 заключенных. По свидетельству начальника следственных изоляторов Москвы Анатолия Семеновича Голубева, в Бутырской тюрьме даже в 1937 году содержалось заключенных меньше, чем осенью 1992 года. Вполне естественно, что ошеломляющий рост преступности (так же естественно порожденный богоборческой идеологией, не позволяющей выйти из этого замкнутого круга) потребовал ни много ни мало разрешения этой проблемы через увеличение числа мест лишения свободы.

Среди большинства сотрудников пенитенциарных учреждений бытует укоренившаяся убежденность, что исправить содержащихся в них людей невозможно, что не поможет здесь ни Церковь, никто другой: преступников нужно изолировать. Но, к счастью, и из этого печального правила есть исключения: капитан внутренней службы Елена Лео-

нидовна Усова — человек, который видит в заключенных не только преступников. Вот, что она рассказала о том, как началось сотрудничество сергиево-посадского СИЗО с Троице-Сергиевой Лаврой и МДА:

“Работа началась в марте 1989 года с беседы лаврских монахов с сотрудниками изолятора. А в конце года поступило много заявлений от заключенных с просьбой, чтобы пришел священник. Тогда обратились к наместнику Лавры архимандриту Феогносту, чтобы эти встречи стали постоянными. И с 12 ноября 1989 года каждый понедельник и вторник нас посещают лаврские духовники. Вначале им выделили маленькую комнатку, где стали исповедовать и крестить. Но камеры у нас большие, поэтому этой тесной комнатки было недостаточно. Тогда подняли архив в Лавре и выяснили, что здесь когда-то был храм. Старые сотрудники

СИЗО указали это место, они еще помнили это помещение с росписями. Сохранилось описание этого храма, эскизы иконостаса. Здесь размещалась обыкновенная камера. В декабре полностью освободили это помещение, а 27 января 1990 года была уже первая служба. Еще через несколько дней — первый престольный праздник. Службу в этот день возглавил архимандрит Феогност. С тех пор каждую неделю у нас бывает Божественная литургия. С этого же времени стали посещать СИЗО и студенты Академии, так как одним батюшкам — отцу Трифону и отцу Никодиму — это было не под силу, так как и крещений было много, и исповедей. Да и несовершеннолетних у нас много — около 100 человек. Вот и решили, что более доверительные беседы будут у них (несовершеннолетних — А.Б.) с ровесниками”.

Со своей стороны могу свидетельствовать, что взаимоотношения между нами сложились действи-

тельно доверительные. Но вот, что думают сами заключенные о наших встречах (на мои вопросы отвечают ребята из одной камеры, которую я посещал в течение двух лет).

— **Есть ли польза от того, что в СИЗО действует храм?**

Евгений, 17 лет: “Есть, конечно: душа радуется, разнообразие, общение”.

Олег, 16 лет: “Помогает излить душу. Приходишь загруженный, уходишь разгруженный”.

— **Какая польза тебе лично от посещения храма?**

Евгений: “Мать написала, что болеет, дома плохо... Любое письмо приносит расстройство. А здесь, в храме, успокоишься”.

Сергей, 17 лет: “Дедушке операцию сделали, я за него здесь помолился”.

Олег: “Это не только смена обстановки и отдых от камеры, но это отдых для души. Сама обстановка храма влияет”.

Евгений: “Возвращаешься в камеру и продолжаешь обдумывать то, о чем говорили в храме”.

— **Какие недостатки наших встреч? Ваши пожелания.**

Олег: “Мало, редко приходите”.

Евгений: “Только вопрос подготовишь, ждешь, ждешь — нету, как только вылетит из головы — приходите”.

Сергей: “Чаще приходите”.

С этими же вопросами я обратился и к Е.Л. Усовой.

— **Насколько полезны для заключенных эти встречи?**

— У нас изолятор, а не колония, текучесть до 1000 человек в год. Но все же можно заметить, что в камерах несовершеннолетних стало меньше стычек, хотя они живут по своим законам. Раньше у нас было много членовредительства: вены вскрывал каждый второй, глотали домино, перекрученные накрест гвозди, стекло. Сейчас это, к счастью, ушло.

— **Каковы Ваши замечания и пожелания?**

— Мы здесь работаем, получаем деньги. Вы ходите в свое свободное время. Вы сами знаете, насколько тяжелые бывают беседы. Так что только большое спасибо можем сказать. Приходите чаще.

“Приходите чаще”. В этой просьбе вовсе не упрек в небрежении к заповеди Апостола: *Помните узников, как бы и вы с ними были в узах* (Евр.13,3). Как бы часто ни приходил сюда, всегда слышишь эти слова. Для тех, кто бывал в этих условиях, “где капая едкие капли со свода”, это “приглашение” больше, чем понятно.

Александр Яровой (3 курс МДА) делится своими впечатлениями от работы в СИЗО: “Чувствуешь себя неуверенно, когдаходишь за эти высокие стены со своеобразной архитектурой и атрибутикой. Петляя по узким и бесконечным коридорам с чутко отзывающимися на звуки шагов плитами, я всегда задаюсь вопросом — сколько же здесь этих дверей с однообразным металлическим клетчатым орнаментом, приветствующих нас громким лязганьем своих засовов. Чувствуешь, что никто сюда по доброй воле не входит, и в такие минуты не создаешь себя исключением. Но становится стыдно за такие чувства, когдаходишь в камеру и видишь появившиеся улыбки ни лицах ребят, а в глазах возникающий интерес. А чтобы было полноценное

общение, чтобы найти живой путь от сердца к сердцу, нужно или их поставить на свои позиции, или самому понять их мировоззрение. В этом общении и сам получаешь огромную пользу, когда видишь, что в их душах находят свое место слова Священного Писания. Но этих посещений, к сожалению, так мало в общем потоке того, что сейчас происходит с их душами, столкнувшимися с миром за колючей проволокой”.

Мне же общение с этими ребятами всякий раз напоминает мысль Ф.М. Достоевского: “Они нехороши потому, что не знают, что они хороши. Когда узнают, то не будут насиловать девочку. Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого” (“Бесы”). И действительно, можно видеть, как, выходя из камеры в храм, у них меняются лица, взгляды. Сами они говорят, что во время этих встреч вспоминают нормальную человеческую речь, которая полностью заменяется в камере блатной “феней”. Почему так — смог ответить профессор протоиерей Глеб Каледа на основании своего богатейшего опыта работы в Бутырке: “Храм — это воля в заключении”. Нередко можно заметить, как во время этих бесед в тюремном храме у кого-нибудь из подследственных заблестят глаза и он прилагает немало усилий, чтобы сдержать слезы. Но больше всего меня поразило в этих беседах другое.

В камере, которую я посещал два года, содержались ребята 16–17 лет. Большинство из них окончили всего 5–6 классов средней школы. Но при этом тематика волнующих их вопросов удивительно глубока и сильно отличается от вопросов, которые мне задавали в вузах. Если представителей будущей интеллигенции в первую очередь интересовались, можно ли студенту Семинарии жениться или под каким знаком зодиака я родился, то их “необразованные” сверстники прежде всего ищут ответ на вопрос о смысле жизни.

Конечно, этот вопрос звучит по-разному и с разным блеском в глазах. У одного наворачиваются

слезы с сожалением о бессмыслице прожитых лет, а другой с блеском яростной злобы упрекает Бога за Его якобы несправедливость к нему лично, говоря: “Ну куда смотрит ваш Бог? Если у меня мать пьет, а отец сидит, и мне нечего было есть, оттого я и пошел воровать, так что — меня за это сажать надо?” (Роман, 15 лет). И вот тут уже, вспоминая свои безмятежные 15 лет, хочется молчать. Это желание молчать охватывает и когда, оставшись один на один с больным шизофренией 16-летним подростком, выслушиваешь его рассказ о том, как он извращался, убивая взрослого мужчину. Нелегко отвечать и тому, кто попросил тебя сходить к нему домой и напомнить его родителям о том, что у них есть в тюрьме сын, а ты, повидав их, понимаешь, что они забудут о нем так же, как вспомнили. Но в таком молчании замечаешь, как рождается любовь ко всем им.

На этом можно было бы закончить рассказ о тюремном храме и его “прихожанах”, но проблема заключенных этим отнюдь не исчерпывается, а скорее даже обостряется. Пройдут “сроки”, все они выйдут на свободу. Но как их встретит общество? Не будет ли погашена искра веры и надежды на Бога, возжженная в тюремном храме? Смогут ли они найти свою дорогу в храм уже без колючей проволоки или через некоторое время вернуться назад?.. Ответить на эти вопросы призваны, наверное, именно мы.

Александр Болонников, 3 курс МДА